

Саша Чой

Второе лицо Эрты

(простая история)

16+

Саша Чой

Второе лицо Эрты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64295057

SelfPub; 2021

Аннотация

Девушка-сирота, переодевшись в доспехи, добирается до дворца правителя космической империи, чтобы остановить войну, уничтожившую половину ее мира... Простая и знакомая история? Возможно.

Саша Чой

Второе лицо Эрты

* * *

Гаоский корабль-вимана с переодетой в глупнца Эртой на борту выходил на внешний переход от Нового Мимара. Теснившиеся рядом глупнцы смирно глядели в космическую тьму, освещенную всполохами над планетой.

Половину западного континента накрывало и скашивало огненной волной – медленно, тягуче, с переливами в белоснежную искру, словно занимались пламенем тлеющие гнезда болотных сов. Значит, комиссары восточников все-таки решились на пламя недр...

– Переходим на ускоренный режим. Содружество межпланетных перелетов Федерации Свободных Ульев благодарит вас за то, что вы выбрали нас, и надеется, что ваше пребывание на Западном континенте было приятным.

Эрта не удержалась от горького смешка. Она-то родилась на восточном. Западных предков у неё в родовом русле не значилось, как и полагалось бы при допуске на проживание в столичные леса.

И все же в груди, под латными щитками, всколыхнулась тягучей соляной топью тоскливая пустота.

Люди ведь, пусть и неправильные. Не какие-то глупнецы.

И тут же – радость. Оттого, что уцелела, что смогла вырваться. Что пламя проносится над подземными туннелями и городами-ульями западных земель, а не по лесам восточных столиц. Что теперь она обязательно расскажет обо всем Держателю Пульта, и война наконец-то закончится.

Только бы добраться до Престола, до Держателя Пульта...

Отца Эрта не то чтобы не помнила. Не знала.

– Мы тут обе в плену, помни об этом! Мы – дважды пленницы. Пленницы у горьководных, и заложницы в этом жестоким мире мужчин. Будь смелой, всегда дерись за свои права, – часто повторяла мать, захваченная и вывезенная западниками в очередной рейд, еще до рождения Эрты.

Ба-Эрл, «Цитадель Камнерогов», так называли западники бункерный улей, раскинувшийся на несколько дневных переходов под хребтами и лощинами их земель.

«Горьководные и глупнецы», Эрта усвоила с детства. «Кругом одни горьководные и глупнецы».

Глупнецов у восточников не было, они даже для матери оказались поначалу в диковинку. А «горьководными» восточники называли соседей.

Эрта не сразу научилась их различать, особенно детей. Носить разную одежду у западников было не принято, а на подключение к мысленному полю у неё с матерью тогда еще не было прав. Тогда они были всего лишь военнопленные, ещё не граждане.

Но стоило подраться с соседскими мальчишками – тут же упрек:

– Неблагодарная! Я экономлю каждый кредит, чтобы выкупить нас на волю, а ты ? Что ты себе позволяешь? Под изгнание хочешь нас подвести?

Впрочем, выкупившись на волю, на Восток они так и не вернулись.

Мать осела в одном из западных бункеров, почти не выбираясь на поверхность, а потом, когда Эрте исполнилось тринадцать, оставила ей именной счетчик-кошелек и пустую

ячейкув другом таком же бункере среднего яруса.

– Я люблю тебя. Будь сильной. Никому не верь, – улыбалась Эрте проекционная запись из мыслеполя.

Эрта стерла запись так, чтобы не восстанавливалось.

Кроме войны, никаких отношений между правительствами Запада и Востока не было.

Она кормилась знанием обеих наречий.

Восточный Совет Комиссаров, несколько веков назад объявивший народным природным капиталом материковые леса, воды, водных коней, землю и все, что растет, живет или воспроизводится иным способом (эту оговорку добавили ученые восточников после открытия ежевицы), и Федерация Свободных Ульев западников хоть и говорили когда-то на общем, древнем языке, но за столетия, прошедшие с тех пор, как корабли Империи приземлились на Новый Мимар, оба говора сильно разошлись. Как и их носители – во взглядах.

Друг друга обитатели обоих новомимарских континентов давно уже не понимали, хотя на письме западные знаки от восточных почти не отличались.

Но читать знаки умели не все.

Даже те, у кого остались дальние родичи на континенте противника, время от времени обменивались кредитами, а порой и приторговывали: служба частной доставки работала исправно, в обе стороны и в любую войну.

Систему учета родовых русел давно, еще со времен первых поселенцев, слили с кредитной. У восточников было больше водных, у западников – пищевых баллов. Запад хорошо покупал ежевицу и лесные плоды, восточники – технологии. Да иногда – глупнецов. Правда, в своем лесе Эрта их никогда не видела, но их, наверное, не сразу стали скупать.

На второй день самостоятельной жизни в своей личной ячейке Эрта подключилась к торговому узлу межконтинентальной сети.

Чтобы безвестные продавцы и покупатели могли общаться и хоть как-то договариваться, им и были нужны Двумликие.

Такие, как Эрта. Те, кто мог пересчитывать слова и мысли из формы, принятой на одном континенте, в принятую на другом.

Она едва помнила восточные леса, оттого-то и не тоско-

вала по ним. А вот язык и мысли – помнила. Иногда вспоминала и своё прежнее, восточное имя – у западников оно писалось теми же знаками, но читалось иначе.

Будто от древнего, восточного «Йе-ка-тер-ир-на» в нём не сохранилось почти ничего.

Как не оставалось сейчас почти ничего от поверхности Западного континента.

Иногда, перед сном, она повторяла своё имя – так, как оно звучало в восточной речи. И еще – почти бессмысленный здесь, в ба-эрлских ульях, старинное присловье. Было странно выговаривать все звуки. Даже в записи они оставались лишены смысла: «бай-у-бай-удж-гэ-бай-ы-нер-лу-дже-сы-нар-грай-ы...». Кажется, это была какая-то ритуальная фраза, которую древние проговаривали перед сном.

Пот лился ручьями. Переплатила за доспех. Выкупила на последние водяные баллы у корабельного механика, лысеющего, с редкими прядями некогда курчавых волос, с биомеханическими протезами вместо глаза и левой руки, ветерана Третьей Океанической. Мерцающий мутной цифровой зеленой био-окуляр мерзко вытаращился, словно рожки у прыгучей панцирной улитки, сканируя корабельные туннели: нет ли камер-шпионов?

Удовлетворенно хмыкнув, бортмеханик коснулся счетчиком на запястье её кошелька.

– Оставьте воды хотя бы на пол-дня!

– Доберемся до Престола – там заработаешь, – отрезал механик. И неприятно рассмеялся.

Тренькнул сигнал: пришла оплата. Полтора био-дня без воды... Что ж, перелет до Престола займёт от силы день, а там она что-нибудь придумает.

Войны, перекидывавшиеся то с Запада на Восток, то с Востока на Запад, приучили Эрту и ее соплеменников к бережливому выживанию и бестревожным мыслям о будущем.

Будущего у западников почти не оставалось. Рядом теснились смиренными истуканами глупнецы. Настоящие, не переодетые. Почти не знающие усталости, голода или жажды искусственные солдаты, телохранители и слуги, выращенные в мимарских лабораториях на экспорт в другие миры Империи. словно деревья в восточной столичной чащобе.

Эрта осторожно протиснулась в мыслеполе. Все глупнецы чувствовали одно и то же: легкая сонливость, приятная ис-

тома от возможности побездельничать. Пожар на половине континента был для них просто красивой картинкой.

Смотрели в ту же сторону, через алмазную пластину в бок корабля-виманы, что и она: на огненное марево, плывущее по западному континенту Нового Мимара. У всех – одинаково неразличимые за личинами глаза, носы, рты...

По второму мысленному каналу корабельные искины передавали старомекканские фуги.

Пакет сложных, едва различимых эмоций, точных слов для которых не было ни на одном из двух мимарских языков. Переплетенные, как летние лианы, чувства и образы, мгновение за мгновением перетекавшие в ритме вспыхивавших и тут же гаснувших красок.

Эрла вздохнула. Старомекканцев на Мимаре не очень жаловали: оба континента еще хранили память о джихаде за Солнце. Да и доверие людей к искинам, большинство которых считали себя джиннами-мусульманами, было невелико.

Странно, что на старомекканском корабле, да еще на вимане, везли глупнецов. Искины считали их неотличимыми от людей и, хотя и пользовались для вещания в мыслеполе, торговлю глупнецами считали делом недозволенным...

* * *

Эрта отшатнулась, когда ближайший к ней глупнец вывернул в ее сторону шею. Одинаково-серые, как у всех глупнецов, глаза пристально смотрели на Дзуликую:

– Несанкционированное пользование услугами по перевозке пассажиров. Следуйте за нами, – хором, слово в слово, произнес очнувшийся глупнец и его точный двойник, стоявший по другой бок от Дзуликой.

Крепкие кисти стиснули её запястья.

Эрта не сопротивлялась: к чему? Слишком многое поставлено на карту, чтобы оказаться от новых путей к Престолу.

А они обязательно появятся.

Тем более, что до Престола осталось совсем чуть-чуть.

Глупнецы втащили Эрту в капитанскую каюту через фильтр-стену, не оставившую на доспехах ни малейшего следа.

Каюта была обставлена в гаосском стиле. Сам капитан, искин, для общения с людьми выбравшим вид яркого-зеленого, до белизны, пламенного шара, парившего над пустым креслом в середине.

Слева от капитана возвышался сидящий гаосец, мрачный серокожий гигант с вытянутой, будто от водяного коня, головой. Трехпалые руки, сведенные на уровне груди, шевелились в беззвучном монологе внутренней речи. Гаосец явно волновался – если, конечно, к ним было применимо человеческое определение «волнения».

Кресло второго пилота было обращено спиной ко входу. Виднелась только кудрявая макушка человеческой головы. Посередине макушки блестел кругляш серебристого имплатнатна.

– Как вы меня вычислили? – Эрта попробовала начать с атаки, и тут же поняла, насколько нелепо человеку тягаться с искином.

– Механик, – конечности гаосца замерли, когда тот перешел на звуковую речь. – Смотри, человек.

Не вставая, гаосец извернулся своим длинным туловищем и рывком руки развернул кресло со вторым пилотом так, что

Эрта увидела его лицо.

Перекошенное, с вывалившимся и распухшим языком. Живой глаз заплыл кровью, а протез чуть вывашивался из глазницы гигантской слизистой каплей...

Космическая чума.

На оба внешних перехода почти не затянется, почти не заразная. Но иногда – смертельная.

– Космическая чума, – эхом к мыслям Двуликой откликнулся гаосец. – и мы будем принимать самые решительные меры по борьбе. Вы нам нужны.

– Нужна? – удивилась Эрта.

Из стен раздался голос искина: ровный, безэмоциональный, как пластиковая обшивка:

– Нужны. Нужны второй новый пилот. Вместо того, кто заболел. Такие правила в федерации полетов.

– Правила?

– Камеры наблюдения требуют. Нужен второй пилот. Вто-

рой пилот-человек, не глупнец. Тебе не нужно много делать, двулика. Просто сиди, где пилот. Включай голову, слушай виману, делай команды. Камеры летают, смотрят, передают в содружество. Содружество смотрит, содружество считает, что все в порядке. Престол считает, что все в порядке.

Мы не в карантине. Полет нормальный, товар нормальный, все нормально. Ты прилетишь на Престол, мы дадим тебе баллов на кредитный счетчик. Ради Всемиловейшего.

– Но как же я... Я ведь не знаю, как!

– Знать не нужно. Нужно быть человеком. Для камер содружества и для Престола все люди – люди. Все одинаковые. Одинаковые перед Всемиловейшим. Сделай это ради его милости, двулика...

Когда искины упоминали всемиловейшего, выбирать обычно не приходилось. Вот и сейчас, не дожидаясь ответа, глупнецы разжали руки. От неожиданности Эрта пошатнулась, едва не потеряв равновесие.

Глупнецы шагнули к пилотскому креслу с мертвецом, подхватили труп, бросили о стену. Тот вошел в фильтр с тихим жужжанием, растворяясь, становясь частью корабля.

«Словно восточники своего мертвяка в соляную топь сбросили», – почему-то подумалось Эрте, когда она, скинув ненавистную личину, уселась в кресло.

Корабль стал её частью. Как будто в глубине мозга вызрела новая, прежде незнакомая мысль: ясная, спокойная, дрожащая. Живая. Эрта стала и кораблем, и глупнецами, и гаосцем, и искином, и даже космическим пространством вокруг корабля.

«Притворный пилот», – подумалось ей своей мыслью, теперь казавшейся маленькой, простенькой на фоне громады пространств и идей, по которым разрослись, разлетелись ее мысли.

Это оказалось ошибкой. На долю секунды мысль Эрты заглушила и расчеты искина, и мерное, ритмичное гудение лоцманских расчетов гаосца.

Корабль сошел с курса и, сойдя с траектории, оказался втянут во внутреннюю орбиту Престола, так и не завершив маневр внутреннего перехода.

Эрта почувствовала, как запаниковали глупнецы. Фоновое присутствие гаосца нарастало. Не злоба, не удивление

и не тоска, а некое недоступное человеческому пониманию или выражению чувство.

Затем перед глазами каждого мелькнула чёрно-зелёная старомекканская вязь: искин брал управление на себя, отключая прочих. Их сознания дробились на единицы, Эрта почувствовала, что у неё снова остаётся только она сама – её мысли, языки, тело. Стены каюты завибрировали, раздалась старомекканская речь: искин произносил «шахаду джиннов».

Последнее, что она почувствовала, было мягкое, ползучее прикосновение кресла. Кресло обволакивало тело, плавно и стремительно превращаясь в десантную капсулу.

Затем капсулу стала заполнять амортизационная взвесь, и на Эрту навалилось мутное забытье.

* * *

Расположение пустошей и пустынь на Престоле было рассчитано так, чтобы капсулы и обломки потерпевших крушение кораблей или сбитых вражеских эскадр (планету развили еще в те времена, когда у Империи были сильные враги) падали именно туда.

Захотелось чихнуть. Под лучами престольного солнца Эрта открыла глаза. Пространство оказалось непривычно, пу-

гающе открытым. Таким же, какими были ее мысли там, на борту у искина, когда она подключилась к сети корабельного управления, пусть это и было всего лишь подключение на-показ.

Вдалеке виднелись перекрученные, разноцветные, будто детские сладости, и с детства же знакомые всем гражданам империи дворцовые купола. Там – Держатель Пульта, а значит, ей повезло вдвойне. Дворец казался маленьким, почти игрушечным. Пространство – непривычно-обширным. Не всегда было ясно, куда идти, если рядом нет ни коридоров, ни хотя бы древесных зарослей.

Но зато вдали виден дворец. Там – сам Держатель Пульта. Он мудрый, он знает, он разберется. Главное – дойти, какой бы страшной ни казалась ширь, как бы ни вязли в песке ноги и ни мучала жажда...

Когда белое солнце Престола застыло на зеленоватом небе, а тень стала длинной, шагов с пять, силы оставили Эрту и она обессиленно рухнула в голубоватый, искрящийся, ароматный песок.

Сомн камер и датчиков, из которых песок состоял, тотчас сообщил о крупном биологическом объекте в месте крушения корабля Федерации. Поисковики, изрядно поизно-

сившийся глупнец и похожий на багровую ящерицу с пятиконечной звездой, знаком его клановой принадлежности во лбу, карраскиец, успели прибыть, когда она еще была жива.

* * *

Когда Эрта пришла в себя, ее вместе с другими выжившими ее доставили в распределительный лагерь. Их разделили на группы. Одних направляли на работы, других дни и ночи напролет держали подключенными к мыслеполю, транслируя фуги о величии Держащего Пульт.

Третьих, как Эрту, наскоро обучили нескольким приемам и заставили сражаться на гладиаторских аренах.

Исторические хроники из архивов Престола донесли до нас предания об Эрте Двумикой, Эрте Новомимарской, первой женщине-правительнице, ставшей Держательницей Пульта Империи. В дни государственных праздников допущенные в чертоги дворца туристы могут наблюдать объемную реконструкцию.

На троне, возвышающемся на ступенчатом возвышении в несколько человеческих ростов, сидит Держащий Пульт. Маленькое существо с огромными золотистыми глазами, с иссушенным веками лицом, пристально всматривающийся в

толпу, посмевавшую ворваться во дворец, разметать роботов и живую стражу.

– Подойди ближе, Двуликая, – почти шепчет Держащий Пульт.

Пульт, маленькая золотистая машинка, инкрустированная кристаллами, и правда в его руке, похожей на иссохшую звериную лапку.

Эрта стоит на месте, чувствуя за спиной мощь и справедливую ярость вырвавшейся из гладиаторских казарм толпы.

– Подойди ближе, я сказал, – повторяет Держащий Пульт.

Никто в толпе не двигается с места. Держащий Пульт с высоты своего трона простирает руку над непрошеными гостями, несколько раз нажимает кнопку. Несколько рядов в толпе падают замертво. И люди, и нелюди.

Какими бы ни были организмы, встроенная блокировка жизненных центров работает одинаково. Империя оттачивала свои технологии столетиями.

– Ну же, – вновь произносит Держащий Пульт, и стены многократно усиливают шелест старческого голоса. Он ка-

жется грозным грозным раскатом.

– Выйди сюда, девочка, и объясни своему Держашему Пульт, почему ты прогуливаешь занятия в боевой школе и вообще не слушаешься старших. Да еще и остальных подбиваешь на такое же непослушание. Выйди вперед и объясни, и тогда я, быть может, не только не нажму на кнопку, но и позволю тебе...

Здесь обрывается и реконструкция, и исторические записи. В следующие кадры посетители реконструкций видят, что на престоле уже сидит Эрта Новомимарская.

Точно так же, как восседала прошедшие и будет восседать грядущие века наша славная Держательница.

Новые разработки реконструкции позволяют каждому из посетителей чертогов – правительницу заслуженно почитают за открытость и добрый нрав, а также поддержание технологических новшеств – каждому одновременно почувствовать предводителем восстания и учредителем династии имени себя.

Правда, иногда в техническом оснащении случаются досадные сбои и некоторые из посетителей чертогов Держательницы погибают от прекращения деятельности их жизненных

центров в силу неустановленных причин.

Как вы знаете, лучшие ученые-разработчики нашей Империи предприняли ряд крайне успешных шагов, чтобы решить эту досадную и незначительную проблему.